

УДК 343.92

DOI [10.17150/1996-7756.2016.10\(1\).50-59](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(1).50-59)

ОСОБЕННОСТИ ПРИЧИННО-МОТИВАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

А.И. Коробеев, А.А. Мальцев

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

16 июля 2015 г.

Дата принятия в печать

10 декабря 2015 г.

Дата онлайн-размещения

28 марта 2016 г.

Ключевые слова

Терроризм; терроризм
несовершеннолетних; преступность
несовершеннолетних;
детерминанты терроризма;
террористические организации

Финансирование

Государственное задание
№ 29.763.2014/К Министерства
образования и науки Российской
Федерации

Аннотация. В статье обобщены факторы, способствующие вовлечению несовершеннолетних в террористическую деятельность. Некоторое количество детей присоединяется к террористам добровольно, к этому их побуждает определенная мотивация. Авторы считают такие побуждения подростков в основном результатом процесса радикализации и влияния ряда провоцирующих факторов, которые образуют своего рода причинно-мотивационный комплекс. Существует также определенный набор типичных черт характера и обстоятельств, делающих некоторых детей наиболее вероятными объектами для вербовки в террористическую организацию или для самовербовки. Причины вовлечения подростков в террористическую деятельность выявляются на различных уровнях — от персонального до социального. Каждый из этих уровней включает в себя систему факторов, приводящих ребенка к вербовке в террористическую организацию и последующему совершению преступлений террористического характера.

В рамках данного комплекса первый уровень причинности образуют личные причины и факторы риска: общие психологические факторы возраста и пола; социальный статус подростка, положение несовершеннолетнего в системе социальных отношений; социальные функции, отражающие личностные проявления в основных областях общественной деятельности (образовательной, профессиональной, культурной и т.д.). Второй уровень включает в себя факторы, не имеющие непосредственной связи с личностью подростка: бедность и экономическая ситуация в стране или регионе; социальная структура общества; культура (в том числе религиозная), традиции общества или сообщества. Третья ступень — это пусковые причины (как правило, какие-либо драматические события в жизни подростка), непосредственно формирующие желание присоединиться к террористической группе.

MOTIVATION AND CAUSAL COMPLEX OF THE PARTICIPATION OF CHILDREN IN TERRORIST ORGANIZATIONS

Alexander I. Korobeev, Alexander A. Maltsev

Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation

Article info

Received

2015 July 16

Accepted

2015 December 10

Available online

2016 March 28

Keywords

Terrorism; juvenile terrorism;
juvenile crime; causes of terrorism;
terrorist organizations

Abstract. The article summarizes factors causing the involvement of juveniles into terrorist activities. There is a certain number of children who join terrorists voluntary having specific motivation for doing so. The authors consider such motivation of teenagers to be mostly the result of a process of radicalization and influence of certain trigger factors which are seen as a causal complex. There is also a set of typical character traits and circumstances which make certain children targetable for terrorist recruiters or for self-recruitment. These causes of terrorism recruitment are observed at different levels from personal to social. Each of these levels includes a system of factors leading a child to recruitment into a terrorist organization and thus to involvement in crimes of terror.

The causal framework of terrorist radicalization is viewed as a three-level structure. The first level is personal causes and risk factors i.e. general psychological factors of age and gender; the social status of a teenager; social functions reflecting personal involvement in the key social spheres (educational, professional, cultural, etc.). The

Financing

State Task № 29.763.2014/K
of the Ministry of Education
and Science of the Russian Federation

second level is set out by non-personal indicators, namely poverty and economic situation in the country or region; social structure of society; culture (including religion) and traditions of society or community. The third level of the pathway to terrorism is specific trigger factors (mostly dramatic events in the life of a teenager) which directly form the desire to get involved in terrorist activities.

Терроризм, являясь одной из главных угроз современности, предъявляет миру все новые и новые вызовы. В сегодняшних условиях для эффективной борьбы с этим негативным социальным явлением важно не только знать, в силу каких причин тот или иной человек становится террористом, не меньшее значение имеют ответы на другие вопросы: каким образом это происходит, при каком влиянии и при наличии каких факторов риска возможно изменение поведения человека с законопослушного на противоправное.

В российской юридической литературе достаточно большое внимание уделено проблемам формирования преступного поведения подростков, однако вопросы склонения детей к террористической деятельности изучены еще явно недостаточно. В настоящей статье с целью устранения отмеченного пробела рассматриваются факторы, способствующие радикализации и вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера.

Нашим исследованием установлено, что в настоящее время существует три вида радикализации несовершеннолетних и их вовлечения в совершение преступлений террористического характера.

Первый весьма сходен с процессом вербовки детей-солдат. Данный вид радикализации детей распространен в районах военных столкновений, где террористические организации имеют наиболее существенное влияние и (или) контролируют соответствующие территории (Ирак, Сирия, Ливия, Афганистан, Пакистан, Газа и т.д.).

Второй разновидностью радикализации является организационно-пропагандистская деятельность в структурах, на которые террористические организации оказывают определенное влияние (службы религиозного культа, в том числе мечети в некоторых странах, национальные диаспоры, образовательные учреждения). Такая деятельность террористов имеет место не только на территории указанных выше стран, но и в некоторых других, немусульманских государствах.

Третий вид (так называемый «доморощенный» терроризм) характерен прежде всего для немусульманских, западных стран. Он выражается в радикализации молодых людей внутри нерадикализованного социума. Негативному влиянию подростки могут подвергаться в семье, как правило, со стороны отцов, имеющих экстремистские воззрения, в учреждениях религиозного культа — со стороны духовных лидеров с аналогичными антисоциальными установками, а также посредством экстремистского самообразования. Вот как описывает такую молодежь канадский исследователь С. Белл: «Доморощенные» несовершеннолетние террористы джихада — молодые люди, родившиеся в стране, говорящие свободно на ее языке. Они представляют собой явную угрозу государству и его союзникам, но обнаружить и отслеживать таких людей практически невозможно» [1, р. 22].

Криминологами выявляются определенные черты характера и обстоятельства, делающие некоторые категории несовершеннолетних наиболее привлекательными для вербовки (а в ряде случаев и самовербовки) в террористические организации. Такие причины находятся на различных персональных, социальных и психологических уровнях, они включают в себя совокупность факторов, приводящих к вербовке подростка в террористическую организацию и последующему совершению преступлений террористической направленности. Обобщение различных факторов, приводящих подростка к названной деятельности, позволяет говорить о полисистемности причинного комплекса вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера.

В рамках данного комплекса первый уровень причинности образуют личные качества подростка (личные причины и факторы риска). Сюда можно отнести: 1) общие психологические факторы возраста и пола; 2) социальный статус, в том числе набор черт, характеризующих положение несовершеннолетних в системе общественных связей (семейных и социальных, социального положения и т.д.), и чувства по

поводу своего положения в микросоциальной группе или обществе в целом; 3) социальные функции, отражающие личностные проявления в основных областях общественной деятельности (образовательной, профессиональной, культурной и т.д.).

Второй уровень включает в себя факторы, не имеющие непосредственной связи с личностью подростка. Эти факторы группируются следующим образом: 1) бедность и экономическая ситуация в стране или регионе; 2) социальная структура общества и место сообщества, которому несовершеннолетний принадлежит, в системе макрообщественных связей (данный фактор существенно коррелирует с социальным статусом подростка); 3) культура (в том числе религиозная) и традиции общества или сообщества.

Третья ступень пути подростка к терроризму обусловлена набором специфических факторов, своего рода пусковыми причинами, формирующими желание присоединиться к террористической деятельности. Основу пусковой причины составляют указанные выше первые два уровня причинного комплекса, а непосредственно пусковой причиной, как правило, является конкретное (чаще драматическое) событие, приводящее ребенка к заключительному этапу террористической радикализации. Американский профессор М. Креншоу назвала пусковую причину синдромом действия-противодействия, при котором радикализация происходит как ответ сознания на определенное событие, которое направлено на подростка или которому он является свидетелем [2, р. 385]. В обобщенном виде можно сформулировать пять групп таких пусковых причин, порождающих названный синдром: 1) события, которые вызывают желание отомстить или совершить ответное действие (жестокость правоохранительных органов, убийство или насилие в отношении друга (родственника) и т.д.); 2) отсутствие возможностей для участия в политической или общественной жизни, свободного выражения своего мнения или мнения группы; 3) конкретные негативные факторы в микросоциальной группе; 4) значимость принадлежности к сильной группе для развития собственной личности; 5) вооруженный конфликт¹.

¹ Exploring Root and Trigger Causes of Terrorism Case study // Transnational Terrorism, Security & the Rule of Law 2007. URL: www.transnationalterrorism.eu.

Наиболее частотными пусковыми причинами в среде несовершеннолетних являются обстоятельства, перечисленные в пп. 1, 3, 4.

Важно помнить, что многие из молодых людей совершают насильственные деяния, занимаются радикальной и террористической деятельностью не только потому, что они понуждены к этому силой обстоятельств, но и в силу того, что такая деятельность порождает чувство независимости, которое резонирует с их собственным опытом [3]. Р. Кумарасвами, бывший заместитель Генерального секретаря ООН, специальный представитель по вопросу о детях и вооруженных конфликтах, давая показания по делу Т. Лубанги (позже признанного виновным в вербовке детей для участия в повстанческой деятельности) в Международном уголовном суде, так описывала совокупность перечисленных выше факторов: «Вербовка детей... не всегда основывается на похищении и грубом применении силы. Это также происходит в условиях бедности, этнических распрей и идеологической мотивации. Многие дети, особенно сироты, вступают в вооруженные группы для выживания, для того, чтобы была еда в животе. Другие делают это, дабы защитить свою этническую группу или племя, а третьи потому, что вооруженные боевики являются единственной моделью для подражания, которую они знают. Иногда это поощряется родителями и старейшинами, и такие дети выглядят защитниками своей семьи и общины. Дети, «добровольно» вступающие в вооруженные группы, в основном происходят из семей, ставших потерпевшими от убийства и потерявших всех или некоторых из членов семьи или общины во время вооруженного конфликта»².

Общие психологические факторы возраста и пола играют значительную роль в личностном развитии. Особенности развития личности, характерные для несовершеннолетних, в комбинации с образующими комплекс причин радикализации факторами риска, описанными выше, могут способствовать облегчению вербовки несовершеннолетнего в террористическую организацию. Н. Фергусон и М. Берджесс отмечают, что возраст и пол являются факторами, повышающими вероятность вовлечения

² Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo, Judgment pursuant to Article 74 of the Statute, ICC-01/04-01/06-2842, T.Ch. I, 14 March 2012, para. 611.

лица в кампанию насилия, террористических актов. Такие преступления, как правило, совершаются молодыми мужчинами в возрасте от 15 до 25 лет. Вместе с тем авторы утверждают, что эти биологические факторы настолько расплывчаты, насколько и бесполезны для целей контртеррористической деятельности [4, р. 87]. С точки зрения проведения контртеррористических операций, «зачисток» и «ликвидаций» такая позиция представляется вполне оправданной. В то же время противодействие радикализации и терроризму в подростковой среде представляется более результативным, если такая деятельность начата на более ранних стадиях, нежели оконченное преступление.

Если говорить о вовлечении подростков в террористическую деятельность на территориях, подконтрольных террористическим организациям (особенно «Аль-Каиде» и ИГИЛ³), то его механизм практически идентичен вербовке детей-солдат в вооруженных конфликтах. В этой связи следует обратиться к некоторым из возрастных факторов риска, обнаруженных И. Шпехтом и Р. Бретт. Они отмечают, что период полового созревания, во время которого многие из подростков были завербованы, характеризуется чувством оппозиции и неприятия власти и силы в семье, в школе и на государственном уровне. Кроме того, это время, когда несправедливость и отчуждение ощущаются наиболее сильно. Причины, в силу которых молодые люди присоединяются к вооруженным силам и вооруженным группам, отражают все эти аспекты определенного этапа их жизни [5, р. 3]. Таким образом, подростковый возраст можно рассматривать как общий фактор риска радикализации несовершеннолетних и развития у них насильственной модели поведения, однако проявление этого фактора особо актуализируется в сочетании с другими факторами, которые мы рассмотрим далее.

Традиционное представление о становлении мальчиков мужчинами также играет определенную роль в их вербовке [5, р. 31].

³ «Исламское государство Ирака и Леванта» — объединение более десятка крупных террористических организаций, включая «Аль-Каиду», действующее на территории Сирии, Ирака, Ливии и других близлежащих государств. Самопровозглашено как всемирный халифат. В настоящее время чаще именуется «Исламским государством».

В публикациях по данной тематике в основном указывается на преимущественную вербовку террористами молодых мужчин. Подросткам мужского пола часто приходится защищать и обеспечивать свои семьи и общины, в том числе с оружием в руках, в то время как это не та роль, которую ожидают от девочек. Международные террористические организации демонстрируют гораздо более низкую заинтересованность (по сравнению с национальными или региональными группами) в вербовке своих участников из числа женщин. Как правило, последним отводится ограниченная функция в рамках вспомогательной деятельности [6, р. 288]. Несмотря на это, не стоит недооценивать роль женщин в террористической деятельности. С 1985 г. известна широкая практика их использования в качестве смертниц или профессиональных убийц. Следует заметить, что первой смертницей, совершившей теракт, была девушка, устроившая его за несколько месяцев до своего 17-летия. По имеющимся статистическим данным, около 30 % всех актов суицидального терроризма совершено женщинами [7]. От суицидального женского терроризма пострадала и Россия. Кавказские «черные вдовы» известны как убийцы примерно вдвое большего числа жертв, чем другие террористки-смертницы [8]. В причинном комплексе террористической деятельности одну из определяющих ролей играет указанный выше синдром действия-противодействия, который становится реакцией женщин на смерть мужа или близкого родственника от рук российских сил безопасности, проводящих контртеррористические операции на Северном Кавказе. Отсюда и название мстительниц («черные вдовы»), совершающих террористический акт как своего рода акт возмездия (в их понимании) российскому обществу. Все более широкое распространение также приобретает использование террористок-смертниц «Аль-Каидой», движениями «Хамас» (Палестина), «Боко Харам» (Нигерия).

Практика рекрутирования и тренировки женщин — профессиональных убийц была взята на вооружение, например, шри-ланкийской террористической организацией «Тигры освобождения Тамил-Илама». Участницы ее женского крыла, именовавшегося «Птицы свободы», в период действия данной террористической организации убили более десятка политических

деятелей, включая премьер-министра Индии и президента Шри-Ланки [6, р. 294, 296].

Вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность содержит в себе повышенную общественную опасность не только в том смысле, что дети становятся преступниками, но и с точки зрения их виктимизации и вредного воздействия на них террористической пропаганды. С позиций виктимологии подросток, вовлеченный в деятельность террористической организации, является жертвой преступления. Анализ личности детей, вовлеченных в террористическую деятельность (особенно исследование возрастных факторов), имеет решающее значение для виктимологического подхода к профилактике подросткового терроризма.

Система социальных связей несовершеннолетнего (семья, друзья, сообщество, уровень образования, социальное положение и т.д.) — это еще один набор факторов, которые могут способствовать формированию склонности подростков к терроризму. Семья и круг общения часто становятся определяющими факторами в экстремизации взглядов подростка.

Мнение исследователей о влиянии семьи как факторе риска в основном едино. Существует несколько факторов риска, обнаруженных в семейных отношениях, которые могут способствовать формированию преступного поведения несовершеннолетнего в будущем. К числу таких факторов относятся асоциальное поведение родителей, слабый родительский контроль, физическое или сексуальное насилие и т.д. [9, р. 21]. Однако эти факторы, как правило, влияют на формирование общего девиантного поведения подростков и при отсутствии некоторых иных обстоятельств не способны в достаточной степени радикализировать несовершеннолетнего и привести его в конечном итоге к совершению террористического преступления.

Влияние семьи на вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность существенно отличается от аналогичного влияния при вовлечении их в совершение общеуголовных преступлений. Замкнутость и подпольность деятельности террористических организаций вовсе не способствуют вербовке любого желающего стать потенциальным участником такой организации. В связи с этим, какими бы радикальными ни были внутрисемейные установки, подросток, их разделяющий, будет предрасположен скорее к

радикальному экстремизму, нежели к терроризму. Вне системы социальных связей, контактов семьи и (или) несовершеннолетнего с членами террористической организации его вовлечение в террористическую деятельность невозможно. В то же время члены семьи подростка могут иметь опыт участия в террористической деятельности, демонстрировать поддержку террористических организаций или их отдельных участников, способствуя тем самым установлению социальной связи семьи подростка с лицами, осуществляющими террористическую деятельность. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев вовлечения подростков в террористическую деятельность их вербовка происходит на основе уже существующей тесной связи семьи и друзей подростка с террористами.

Исследования подтверждают, что основной причиной вовлечения подростков в деятельность вооруженных групп является вовсе не склонность к делинквентному поведению (как в общеуголовной преступности несовершеннолетних). Для молодых мусульман именно система социальных связей, крепкие семейные узы и отношения с друзьями, а не поведенческие расстройства становятся ключевым мотивирующим фактором присоединения к воинам джихада [4, р. 87]. Отмечается, что следом за вооруженным противостоянием семейная приверженность такому военному делу (законному или нет) является весьма значимым фактором, направляющим подростков к оружию. Иногда это словно предначертано: в семье военного дети видят возможность также стать военными как естественный шаг своей карьеры [5, р. 3]. Следует полагать, что семейственность террористических связей порождает аналогичные установки в сознании подростков и своего рода преемственность радикального поведения.

В радикально-исламистских семьях террористическая деятельность может даже поощряться другими членами семьи, так как террорист обладает более высоким социальным статусом. В таких семьях дети чувствуют себя ответственными за благополучие родителей, братьев и сестер и, как правило, остаются дома, пока не вступят в брак. Крепкие семейные узы выходят за пределы непосредственно семьи и охватывают даже дальних родственников. Отсюда, если один из старших членов семьи (отец, дядя, дедушка) склонен к радикальной

идеологии и выражает свои взгляды, модель радикального поведения или радикальных установок становится устоявшейся нормой в семье [10, р. 29]. Даже если старший член семьи всего-навсего делится своими мыслями, высказывает свое мнение, это создает высокий коэффициент риска, способный привести к активной радикализации младших членов семьи, ибо радикализация становится легким способом завоевать уважение старших ее членов.

Так же как и семья, друзья и круг общения несовершеннолетнего могут стать фактором, способствующим его радикализации и включению в террористическую деятельность, лишь в тех случаях, когда кто-то из молодых людей в группе уже радикализован и имеет связи с лицами, ведущими террористическую деятельность. В случаях, когда большинство членов группы уже занимаются подобной деятельностью, давление на оставшихся членов группы будет возрастать. В такой ситуации их радикализация и вовлечение в террористическую деятельность практически неизбежны [5, р. 25]. Дружеские или родственные контакты зачастую приводят к ситуации «совместной вербовки», при которой друзья или родственники присоединяются к террористической деятельности совместно [11]. Если человек имеет прочные связи с другим лицом и первый присоединяется к экстремистской или террористической группе, скорее всего, оба они в конечном итоге станут членами такой группы.

Местное сообщество довольно часто оказывает поддержку террористическим группам. Здесь находит свое отражение известная фраза «Для одних — террорист, для других — борец за свободу». Эта ситуация особенно характерна для территорий после вооруженного конфликта или территорий вооруженных конфликтов, таких как Афганистан, Пакистан или российский Северный Кавказ, где мятеж в свое время стал социальной нормой. Более того, здесь вхождение в состав террористической группы престижно, вызывает уважение со стороны общества и становится залогом безопасности не только для новичка-террориста, но и для его семьи в целом. Террорист-смертник обеспечивает множество преимуществ своей семье. Достоверно известно, что эти семьи получают компенсацию в финансовом выражении за совершение членом семьи террористического самоубийства.

Кроме того, такие семьи со стороны местного радикализованного сообщества удостоиваются особого почтения, уважения и чести. В религиозном аспекте положения Корана трактуются таким образом, что бог предоставляет шахиду возможность обеспечить место на небесах не только для себя, но и для 70 человек, выбранных им, большинство из которых, конечно же, члены семьи [10]. Таким образом, финансовые, общественные и религиозные блага, получаемые семьей шахиды, гарантируют последнему посмертную любовь, почтение и восхваление со стороны всей его многочисленной семьи. Еще одним важным аспектом в наборе личностных особенностей потенциальных террористов-подростков являются мысли несовершеннолетних об их месте в обществе или о месте в обществе социальной группы, к которой они принадлежат.

Согласно докладу Национального разведывательного совета США «Взгляд в глобальное будущее», существуют устойчивые тенденции радикализации молодежи в арабских странах⁴. Этому способствует низкий уровень образования, а также ограниченный доступ к социально-экономическим благам (типичный пример — Пакистан).

Большое количество радикализованной молодежи в таких странах мотивировано на вступление в военизированные организации чувством отчуждения от общества, а также чувством социально-экономической обделенности [12]. В подобной ситуации недовольство существующим в обществе положением вещей, несправедливость и невнимание к проблемам молодежи выступают серьезными факторами риска [4, р. 88]. Важным аспектом здесь является не столько само окружение индивида, сколько восприятие им общего уровня лишений, выпадающих на долю членов его социальной группы. Первым шагом на этом пути служит осознание несовершеннолетним мнения людей об уровне справедливости в группе и отношения к ней со стороны общества в целом. Второй шаг рассматривается как поиск выхода из ситуаций проявления несправедливости по отношению к членам группы. Если такой выход не найден, потребность подростка остается неудовлетворенной, следовательно, движение в сторону потенциаль-

⁴ Mapping the Global Future. Report // National Intelligence Council's 2020 project. URL: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Publications/Detail/?id=10472&lng=en>.

ной связи с террористическими организациями становится более вероятным [13, р. 44]. Следует поэтому признать, что психологические факторы играют ключевую роль, определяющую путь подростка к террористической деятельности.

Возникающее у несовершеннолетнего чувство несправедливости по отношению к нему или к его группе в целом может быть сформировано различными факторами, такими как действия других социальных, политических, религиозных групп или даже другой страны. Турецкие авторы утверждают, что помимо перечисленных существует еще один фактор, способный склонить население в сторону террористических организаций. Данный риск появляется, когда чувство несправедливости возникает в результате действий правоохранительных органов, восприятия обществом действий правоохранительных органов в целом или отдельных их представителей как не соответствующих закону и направленных против населения [14, р. 80]. Такая ситуация может сложиться в случаях систематического превышения правоохранительными органами своих полномочий, чрезмерного применения силы (особенно когда результатом таких действий становится причинение смерти) или, напротив, бездействия, когда определенные действия необходимы с точки зрения общества.

Когда одна социальная группа чувствует себя ущемленной и не защищенной от другой социальной группы или явления и в то же время правоохранительные органы по ряду причин не в состоянии защитить первую группу, ее члены прибегают к иному виду «защиты» и противодействуют раздражителю самостоятельно. Другой турецкий автор, описывая процесс вовлечения подростков в состав Курдской рабочей партии, ранее признававшейся террористической организацией, характеризует несовершеннолетних «энтузиастами, мечтателями и идеалистами, добросовестно борющимися за свои чувства и мнения; принимающими беспощадную позицию по отношению к несправедливости. Не обращая особого внимания на существующие факты и реалии, они хотят, чтобы нынешняя социальная ситуация изменилась мгновенно и неравенство было устранено» [15, р. 162]. С учетом такой психологии подростков их радикализация и рекрутирование в состав террористической организации не представляют особых трудностей.

Известный афоризм о том, что богатые становятся еще богаче, а бедные — беднее, очень метко характеризует глобальную экономику и разделение капитала между государствами. В то же время рост глобального неравенства закладывает почву для радикальной мотивации населения «отстающих» государств или регионов. Весьма заметными в последнее десятилетие стали явления микронационализма (этнического национализма), сепаратизма и религиозного экстремизма.

Что касается исламского фактора в генезисе современного международного терроризма, то в последнее время стало почти нормой ставить знак равенства между терроризмом и исламом. Кризис культурной и религиозной идентичности, приводящий молодых мусульман к радикальному исламу, порождает исламофобию, ответную негативную реакцию на ислам со стороны современных мультикультурных обществ [16]. Конечно, ислам и терроризм — нетождественные понятия. Однако, как показывает анализ, цели большинства террористических групп, действующих на территории различных государств Азии, Африки и Ближнего Востока, так или иначе связаны с религией, будь то создание единого халифата или война против неверных. Стоит специально подчеркнуть, что дискурс теократических исламских фундаменталистов, используемый для публичного оправдания актов терроризма, основан на принципах бинарной оппозиции («добра» и «зла»). Ярким примером использования факторов бедности государства наравне с упрощенной фундаменталистской риторикой служит террористическая организация «Исламское государство», имеющая широкую практику вербовки в свои ряды (на территориях таких «отстающих» государств) детей, в том числе едва достигших восьмилетнего возраста. В соответствующем докладе Генерального секретаря ООН говорится, что «дети, сражающиеся в рядах этой группы наравне со взрослыми, получают денежное содержание... проходят военную и идеологическую подготовку в качестве бойцов джихада»⁵. С точки зрения радикальных исламских новобранцев, участие в террористической организации может «предложить социальные блага в виде дружбы и общения, вновь

⁵ Дети и вооруженные конфликты : докл. Генер. секретаря / Генеральная Ассамблея. Шестьдесят восьмая сессия. Док. ООН: A/68/878-S/2014/339. Пар. 145.

обретенной культурной идентичности, духовности и целостной идеологии, которая четко определяет «злые силы» мировой политики. Для человека вновь обретенная идентичность решает проблему разделения мира между современным Западом и традиционной исламской культурой. У такого активиста вдруг появляется новая независимая платформа, что позволяет ему быть в оппозиции одновременно и к западной прогрессивности, и к исламскому традиционализму» [17, р. 36]. Эти обстоятельства успешно учитываются и используются террористами в отношении несовершеннолетних, которые под воздействием других факторов риска ищут выход накопленным негативным переживаниям.

Результаты нашего исследования показывают, что отсутствует прямая корреляция между экономической ситуацией в целом и частотой совершения террористических актов. Экономические детерминанты (такие как бедность, безработица и т.п.) являются более значимым фактором риска для терроризма, когда дело доходит до рекрутирования новых членов, особенно из молодой части населения. В некоторых случаях маргинальность молодежи может быть подкреплена идеологией, особенно когда рекрутеры заостряют внимание подростка на его негативном опыте несправедливого к нему отношения. Такие ситуации, например, были характерны для Колумбии, Непала и Индии. Разделение социума, связанное с плохими экономическими условиями, обеспечивает основу для развития экстремистских настроений в группах, состоящих из молодых людей. Следует особо подчеркнуть, что подавляющее большинство молодых людей, живущих в неблагополучных социальных условиях, не станут террористами, несмотря на испытываемое ими чувство несправедливости. Для вовлечения подростка в террористическую сеть необходим комплекс факторов, а также активная деятельность вербовщиков.

Уровень образования, профессиональные, социальные, культурные функции личности позволяют ей проявлять себя в основных областях человеческой деятельности, а также играют важную роль в развитии подростков и их самовыражении. Существует весьма распространенное представление о новобранцах-террористах и других членах террористических организаций как о неграмотных и малообразованных людях. Однако исследования показывают, что уровень об-

разования среди террористических новобранцев иногда даже выше, чем в целом в регионе. Например, сравнение боевиков «Хезболлы» (даже 2 % ее численного состава в возрасте 15–17 лет), с одной стороны, и ливанского населения того же возраста — с другой, показывает, что среди боевиков террористической организации ни один не был неграмотным, в то время как 6 % населения Ливана не умеют читать [18]. Уровень образования членов международных террористических организаций также несколько выше, нежели в мире. Исследование М. Сейгмана, обобщившее данные о 400 террористах, действовавших против США, обнаружило, что три четверти из них — выходцы из высшего или среднего класса. Подавляющее большинство (90 %) происходит из заботливых полных семей, 63 % имели высшее образование по сравнению с 5–6 % от среднемирового показателя [19]. Примечательно, что результаты, полученные М. Сейгманом в современный период, подтверждают выводы аналогичного исследования 1983 г. [20].

В комплексе причин, не связанных с персональной структурой мотивации, следует отметить события, которые требуют мести или ответного действия, иными словами, пусковые причины синдрома действия-противодействия. Наличие этого фактора является одним из наиболее последовательных выводов, обнаруживаемых в изысканиях, касающихся причинности вовлечения в деятельность, связанную с политическим насилием [21]. Наиболее часто этот фактор обнаруживается в случаях самовербовки так называемых «доморощенных» террористов и является последним этапом радикализации подростка. Личные истории боевиков часто содержат ссылки на ситуации виктимизации будущих террористов, гонения с какой-либо третьей стороны. Результатом этого становится желание принять меры, отомстить и присоединиться к вооруженной группе. Событие, которое становится пусковой причиной, может быть насилием со стороны определенных социальных групп, государственных органов, в том числе правоохранительных, различных общественных организаций или даже целых стран.

Приведенные выше факторы, указывающие на социальную напряженность различного генезиса как на фактор, детерминирующий склонность подростков к терроризму, коррелируют со сформулированной ранее теорией общей напряженности. Эта теория утверждает, что ос-

новой причинности терроризма является подверженность широких слоев населения воздействию извне, несправедливость, наличие более сильной социальной группы «чужих» [22]. В то же время такая коллективная напряженность хоть и является важной в системе причинно-мотивационного комплекса радикализации, но не может служить самостоятельным комплексом причин терроризма, в отрыве от других факторов, в том числе личностных, склоняющих население к террористической деятельности.

Из изложенного видно, что без проведения глубоких криминологических исследований личностных особенностей террористов и экстремистов (включая характеристики их причинно-мотивационного комплекса) невозможно проникнуть на уровень глубинной детерминации, порождающей феномен подросткового терроризма и экстремизма. Без постижения этого феномена немыслимо, в свою очередь, выстроить единую систему мер противодействия данному направлению современного терроризма и экстремизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bell S. Terrorism and diasporas in Canada / S. Bell // The Radicalization of Diasporas and Terrorism: A Joint Conference by the RAND Corporation and the Center for Security Studies. — S. Monica, CA. — P. 19–22.
2. Crenshaw M. The Causes of Terrorism / M. Crenshaw // Comparative Politics. — 1981. — № 4. — P. 379–399.
3. Hart J. The politics of Child Soldiers / J. Hart // The Brown Journal of World Affairs. — 2006. — № 1. — P. 217–226.
4. Ferguson N. The road to insurgency. Drawing ordinary civilians into the cycle of military intervention and military resistance / N. Ferguson, M. Burgess // Political violence, organized crimes, terrorism and youth / M.D. Ulusoy (ed.). — Amsterdam : IOS Press, 2008. — P. 83–93.
5. Brett R. Young soldiers: why they choose to fight / R. Brett, I. Specht. — USA : Lynne Rienner Publishers, Inc., 2004. — 192 c.
6. Gonzalez-Perez M. Women terrorists / M. Gonzalez-Perez // Women's rights law reporter. — 2010. — № 2/3. — P. 286–299.
7. Salem E. Attitudes towards female suicide bombers in Palestine and Tamil Sri Lanka / E. Salem // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. — 2015. — № 3. — P. 1–10. — DOI : 10.1080/19434472.2015.1009482.
8. Speckhard A. Black widows and beyond: Understanding the motivations and life trajectories of Chechen female terrorists / A. Speckhard, K. Akhmedov // Female Terrorism and Militancy: Agency, Utility, and Organisation / C.D. Ness (ed.). — N.Y. : Routledge, 2008. — P. 100–121.
9. Brandt D. Delinquency, development, and social policy / D. Brandt. — New Haven, CT : Yale university press, 2006. — 192 p.
10. Owen F.K. Political Violence, Psychology and Youth / F.K. Owen // Political violence, organized crimes, terrorism and youth / M.D. Ulusoy (ed.). — Amsterdam : IOS Press, 2008. — P. 22–42.
11. McCauley C. Mechanisms of political radicalization: pathways toward terrorism / C. McCauley, S. Moskalenko // Terrorism and Political Violence. — 2008. — № 20. — P. 415–433.
12. Moeed Y. Prospects of Youth Radicalization in Pakistan: Implications for U.S. Policy [Electronic resource] / Y. Moeed // The Brookings Institution. — Mode of access : www.brookings.edu/~media/Files/rc/papers/2008/10_pakistan_yusuf/10_pakistan_yusuf.pdf.
13. Stringer M. Countering political violence and terrorism in young people through intergroup contacts / M. Stringer, J. Hunter // Political violence, organized crimes, terrorism and youth / M.D. Ulusoy (ed.). — Amsterdam : IOS Press, 2008. — P. 43–68.
14. Yildiz S. Preventing radicalization in terrorist organization / S. Yildiz, F. Göktepe // Multi-faceted approach to radicalization in terrorist organizations / I. Bal, S. Ozeren, M.A. Sozer (eds). — Oxford, 2011. — P. 77–95.
15. Alkan N. Youth and Terrorism: Example of PKK / N. Alkan // Political violence, organized crimes, terrorism and youth / M.D. Ulusoy (ed.). — Amsterdam : IOS Press, 2008. — P. 162–169.
16. Abbas T. The symbiotic relationship between Islamophobia and radicalization / T. Abbas // Critical Studies on Terrorism. — 2012. — № 3. — P. 345–358.
17. Nesser P. Profiles of Jihadist Terrorists in Europe / P. Nesser // A Future for the Young Options for Helping Middle Eastern Youth Escape the Trap of Radicalization / C. Benard (ed.). — S. Monica, CA : RAND Corporation, 2005. — P. 31–49.
18. Krueger A.B. Education, poverty and terrorism: is there a causal connection / A.B. Krueger, J. Malecková // The Journal of Economic Perspectives. — 2003. — № 4. — P. 119–144.
19. Sageman M. Understanding Terror Networks' (Foreign Policy Research Institute) [Electronic resource] / M. Sageman // The Foreign Policy Research Institute. — Mode of access : <http://www.fpri.org/enotes/20041101.middleeast.sageman.understandingterrornetworks.html>.
20. Russell C. Perspectives on Terrorism / C. Russell, B. Miller // Profile of a Terrorist. — Wilmington : Scholarlly Resources Inc., 2005. — P. 43–60.
21. Victoroff J. The mind of the terrorist: a review and critique of psychological approaches / J. Victoroff // Journal of Conflict resolution. — 2005. — № 49. — P. 3–42.
22. Agnew R. A general strain theory of terrorism / R. Agnew // Theoretical Criminology. — 2010. — № 2. — P. 131–153.

REFERENCES

1. Bell S. Terrorism and diasporas in Canada. *The Radicalization of Diasporas and Terrorism: A Joint Conference by the RAND Corporation and the Center for Security Studies*. S. Monica, CA, pp. 19–22.
2. Crenshaw M. The Causes of Terrorism. *Comparative Politics*, 1981, no. 4, pp. 379–399.

3. Hart J. The politics of Child Soldiers. *The Brown Journal of World Affairs*, 2006, no. 1, pp. 217–226.
4. Ferguson N., Burgess M. The road to insurgency. Drawing ordinary civilians into the cycle of military intervention and military resistance. In Ulusoy M.D. (ed.). *Political violence, organized crimes, terrorism and youth*. Amsterdam, IOS Press, 2008, pp. 83–93.
5. Brett R., Specht I. *Young soldiers: why they choose to fight*. USA, Lynne Rienner Publishers, Inc., 2004. 192 p.
6. Gonzalez-Perez M. Women terrorists. *Women's rights law reporter*, 2010, no. 2/3, pp. 286–299.
7. Salem E. Attitudes towards female suicide bombers in Palestine and Tamil Sri Lanka. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2015, no. 3. DOI: 10.1080/19434472.2015.1009482.
8. Speckhard A., Akhmedova K. Black widows and beyond: Understanding the motivations and life trajectories of Chechen female terrorists. In Ness C.D. (ed.). *Female Terrorism and Militancy: Agency, Utility, and Organisation*. New York, Routledge, 2008, pp. 100–121.
9. Brandt D. *Delinquency, development, and social policy*. New Haven, CT, Yale university press, 2006. 192 p.
10. Owen F.K. Political Violence, Psychology and Youth. In Ulusoy M.D. (ed.). *Political violence, organized crimes, terrorism and youth*. Amsterdam, IOS Press, 2008, pp. 22–42.
11. McCauley C., Moskaleiko S. Mechanisms of political radicalization: pathways toward terrorism. *Terrorism and Political Violence*, 2008, no. 20, pp. 415–433.
12. Moeed Y. Prospects of Youth Radicalization in Pakistan: Implications for U.S. Policy. *The Brookings Institution*. Available at: www.brookings.edu/~media/Files/rc/papers/2008/10_pakistan_yusuf/10_pakistan_yusuf.pdf.
13. Stringer M., Hunter J. Countering political violence and terrorism in young people through intergroup contacts. In Ulusoy M.D. (ed.). *Political violence, organized crimes, terrorism and youth*. Amsterdam, IOS Press, 2008, pp. 43–68.
14. Yildiz S., Göktepe F. Preventing radicalization in terrorist organization. In Bal I., Ozeren S., Sozer M.A. (eds). *Multi-faceted approach to radicalization in terrorist organizations*. Oxford, 2011, pp. 77–95.
15. Alkan N. Youth and Terrorism: Example of PKK. In Ulusoy M.D. (ed.). *Political violence, organized crimes, terrorism and youth*. Amsterdam, IOS Press, 2008, pp. 162–169.
16. Abbas T. The symbiotic relationship between Islamophobia and radicalization. *Critical Studies on Terrorism*, 2012, no. 3, pp. 345–358.
17. Nesser P. Profiles of Jihadist Terrorists in Europe. In Benard C. (ed.). *A Future for the Young Options for Helping Middle Eastern Youth Escape the Trap of Radicalization*. S. Monica, CA: RAND Corporation, 2005, pp. 31–49.
18. Krueger A.B., Malecková J. Education, poverty and terrorism: is there a causal connection. *The Journal of Economic Perspectives*, 2003, no. 4, pp. 119–144.
19. Sageman M. Understanding Terror Networks' (Foreign Policy Research Institute). *The Foreign Policy Research Institute*. Available at: <http://www.fpri.org/enotes/20041101.middleeast.sageman.understandingterrornetworks.html>.
20. Russell C., Miller B. Perspectives on Terrorism. *Profile of a Terrorist*. Wilmington, Scholarly Resources Inc., 2005, pp. 43–60.
21. Victoroff J. The mind of the terrorist: a review and critique of psychological approaches. *Journal of Conflict resolution*, 2005, no. 49, pp. 3–42.
22. Agnew R. A general strain theory of terrorism. *Theoretical Criminology*, 2010, no. 2, pp. 131–153.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коробеев Александр Иванович — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: akorobeev@rambler.ru.

Мальцев Александр Анатольевич — доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, кандидат юридических наук, магистр международного уголовного права и правосудия (LL.M.), г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: alex@maltsev.biz.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Коробеев А.И. Особенности причинно-мотивационного комплекса вовлечения несовершеннолетних в деятельность террористических организаций / А.И. Коробеев, А.А. Мальцев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 1. — С. 50–59. — DOI : 10.17150/1996-7756.2016.10(1).50-59.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Korobeev, Alexander I. — Head, Chair of Criminal Law and Criminology, Law School of Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: akorobeev@rambler.ru.

Maltsev, Alexander A. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Law School of Far Eastern Federal University, Ph.D. in Law, Master of Laws (LL.M.) in International Crime and Justice, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: alex@maltsev.biz.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Korobeev A.I., Maltsev A.A. Motivation and causal complex of the participation of children in terrorist organizations. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 50–59. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).50-59. (In Russian).